

III. ДИСКУССИИ

<https://doi.org/10.21638/2226-5260-2018-7-2-546-553>

ХАЙДЕГГЕР И РОССИЙСКОЕ ФИЛОСОФСТВОВАНИЕ: ПРОДУКТИВНОСТЬ ДИСТАНЦИИ

ИЛЬЯ ИНИШЕВ

Доктор философских наук, профессор.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», школа культурологии.
101000 Москва, Россия.

E-mail: iinishev@hse.ru

Текст представляет собой критический анализ программной статьи Александра Михайловского, посвященной рецепции философии «позднего» Хайдеггера в русскоязычном философском сообществе. В центре внимания — тезис о специфической эзотеричности «бытийно-историчной» философии Хайдеггера, требующей в качестве соразмерного к ней подхода особой философской практики «благого молчания», способность к которой утрачена в западной научной среде, но сохранена в русскоязычном философском и культурном пространстве. Под последним А. Михайловский понимает преимущественно консервативную культурную и политическую мысль современной России. Основные контраргументы, предлагаемые мной в этом тексте, заключаются в следующем: 1) философии Хайдеггера — не только «поздней», но и «ранней» — присущи несколько разновидностей «эзотеризма», ни одна из которых не требует отказа от публичной научной дискуссии и взятия на себя какой-то особой социально-политической миссии; 2) «бытийно-историческая» концепция «другого начала» — не радикально реформистская, а диагностическая, и не деятельно-революционная, а скорее квиетистская; 3) основной вклад в систематическое исследование наследия Хайдеггера на сегодня внесли именно западные интерпретаторы; 4) публикационная политика Хайдеггера как раз свидетельствует о его стремлении заблокировать идеологизированные формы апроприации его философии и, напротив, обеспечить возможность её систематической научной рецепции. Помимо содержательной стороны, я обращаю внимание на формальную сторону дела: на используемую в статье А. Михайловского риторическую стратегию, которая, с моей точки зрения, опирается на общую тональность, которую придали рецепции Хайдеггера в русскоязычном пространстве переводы его текстов на русский в 1980–90-х годах. В заключении я излагаю в самых общих чертах

© ILYA INISHEV, 2018

свою — альтернативную — точку зрения на то, в чем именно должны состоять продуктивные стратегии обращения с теоретическим наследием Хайдеггера.

Ключевые слова: Хайдеггер, бытийно-историчное мышление, эзотеризм, российская философия, консерватизм, политический ангажемент, риторические стратегии.

HEIDEGGER AND RUSSIAN PHILOSOPHIZING: THE PRODUCTIVITY OF THE DISTANCE

ILYA INISHEV

DSc in Philosophy, Professor.

National Research University “Higher School of Economics”, School of Cultural Studies.

101000 Moscow, Russia.

E-mail: iinishev@hse.ru

The paper offers a critical analysis of a programmatic article by Alexander Mikhailovsky on the reception of “late” Heidegger’s philosophy in Russian philosophical community. I mainly focus on the thesis put forth by Mikhailovsky on the peculiar esoterism of Heidegger’s “being-historical” thought, demanding a special philosophical practice of a “meaningful silence” considered the only commensurate approach to it. Moreover, according to Mikhailovsky, only Russian cultural and philosophical space (by which he understands mainly Russia’s conservative cultural and political thought) retains the ability to perform this kind of silence, while Western researchers and scholars have completely lost it. I put forward the following main arguments against this thesis: 1) several varieties of “esoterism” are simultaneously inherent in early” and “late” Heidegger’s philosophy and none of which requires a disavowal of a public scientific discussion and undertaking of a particular socio-political mission instead; 2) Heidegger’s conception of the so-called “other beginning” is not a radical-reformist but diagnostic one, that is to say, in its basic intentions it is not active revolutionary but rather quietist; 3) By now, the most substantial contribution to the systematic research of Heidegger’s legacy is made by Western interpreters; 4) Heidegger’s publishing policy testifies precisely to his intention to prevent ideologized forms of appropriation of his philosophy and, on the contrary, to guarantee the possibility of its systematic scientific reception. In addition to issues of content, I pay attention to the rhetorical form of the article in question. From my point of view, the rhetorical strategy of Alexander Mikhailovsky draws on a general tonality that came to be strongly associated with reception of Heidegger in Russian speaking cultural space due to the translations of Heidegger’s works into Russian made in the 1980–90s. In conclusion I, in general outline, present my own — alternative — view on the productive strategies of treating Heidegger’s theoretical legacy.

Key words: Heidegger, being-historical thinking, esoterism, Russian philosophy, conservatism, political engagement, rhetorical strategies.

Этот короткий текст был написан в ответ на предложение редакции журнала «Horizon. Феноменологические исследования» высказаться по поводу программной статьи Александра Михайловского, посвященной рецепции Хайдеггера в русскоязычном философском сообществе. Кроме того, в статье предлагается определенное видение будущего философии Хайдеггера, которое

автор статьи связывает с современной российской культурой и философией. Прежде всего, именно эта — проективная — сторона текста нуждается в своего рода противовесе, дабы журнал оставался площадкой для научных дискуссий, тем самым воздерживаясь от монологической презентации каких бы то ни было культур-философских и политических программ.

В нижеследующем я выскажу несколько критических соображений касательно представленных в статье А. Михайловского тезисов. Помимо содержательной стороны, я бы хотел обратить внимание на формальную сторону дела: на используемую в тексте риторическую стратегию, которая иногда едва ли не полностью заменяет собой аргументативную составляющую. В заключение я позволю себе в самых общих чертах изложить свою — альтернативную — точку зрения на то, в чем именно должны состоять продуктивные стратегии обращения с теоретическим наследием Хайдеггера.

(РИТОРИЧЕСКАЯ) ПОЗА ВМЕСТО (АРГУМЕНТАТИВНОЙ) ПОЗИЦИИ

Прежде всего, мне бы хотелось подчеркнуть важность самого прецедента: кажется, это первый столь объемный текст, посвященный истории рецепции философского наследия Хайдеггера в русскоязычном интеллектуальном пространстве. Разумеется, инициатор дискуссии находится в наиболее уязвимом положении по сравнению с теми, кто развивает предложенную проблематику, и тем более по сравнению с теми, кто с самого начала занимает позицию критика.

Осознавая все это, я, тем не менее, хотел бы начать обсуждение с риторической составляющей текста, которая обращает на себя внимание с первых строк. Автор статьи начинает с моментального и неожиданного переноса риторических фигур самого Хайдеггера в современный контекст, стирая историческую дистанцию, делая вид, что формы речи и критики 1930-х годов — нечто само собой разумеющееся. С самого начала А. Михайловский предлагает читателю выбирать лишь из двух возможностей: либо приобщиться к «духу благого молчания» (или, по меньшей мере, декларировать желание такого рода приобщения), либо полностью выпасть из системы координат, в которой — как полагает автор — только и возможно содержательное обсуждение философии Хайдеггера.

Автор говорит об «эзотерической переориентации собственного мышления» Хайдеггера, произошедшей с началом так называемого «бытийно-исто-

ричного» периода в развитии его философствования, тем самым навязывая читателям мысль о неизбежности подобной эзотеризации и ее радикальном характере. В самом ли деле в случае Хайдеггера мы сталкиваемся с особым — бытийно-историческим — эзотеризмом, появление которого датируется началом 1930-х годов?

ЭКЗОТЕРИЧЕСКИЙ ЭЗОТЕРИЗМ

Справедливости ради, необходимо заметить, что известная степень выскомерия по отношению к студентам, коллегам, реальным и воображаемым современникам задокументирована еще первыми лекциями Хайдеггера (ср. Heidegger, 1995, 65). Собственно, мы находим у Хайдеггера, как минимум, четыре разновидности «эзотеризма»: 1) проявление стандартной для того времени «исключительности» положения университетского преподавателя (дидактический эзотеризм); 2) отражение специфики в понимании феноменологического феномена и, соответственно, феноменологического метода: рассмотрение экзистенциально-практически мотивированной (само)рефлексии как базовой предпосылки для осуществления «феноменологической экспликации» (методологический эзотеризм); 3) репертуар литературных средств для выражения (артикуляции) его представлений о специфическом статусе философии в рамках «бытийно-историчной» доктрины «первого» и «другого начал» европейского мышления: история философии — это теперь не то что скрывает «бытие» (аисторичные структуры *Dasein*), а то что артикулирует историческую динамику бытия (*Ereignis*), для текущего состояния которой характерен процесс самообнаружения границ тотального опредмечивания в самих настроениях публики: в некотором смысле, сама социальная действительность становится «философской». В итоге, задача «философского текста», с точки зрения позднего Хайдеггера, — не в методической экспликации глубинных структур опыта, а в своего рода риторической «эвокации» настроения, посредством которого «забытость бытия» дает о себе знать в повседневности (стилистический эзотеризм); 4) наконец, можно выделить своего рода экспериментальный эзотеризм: серию попыток теоретической разработки историзации бытия, представленные в неопубликованных «трудах» (*Werke*) 1930–1940-х годов, таких как *Beiträge zur Philosophie* и *Das Ereignis*.

Как бы то ни было, так называемый «эзотеризм» Хайдеггера, будучи всякий раз в той или иной степени «инструментально» мотивированным, вполне поддается трансляции в «стандартные» дискурсивные формы и, соответствен-

но, доступен «рациональному конструированию», невзирая на «нынешнее торжество прагматизма и позитивизма в науке» (формулировки А. Михайловского).

ФИЛОСОФСКИЙ АКСЕЛERAЦИОНИЗМ

Лейтмотив текста А. Михайловского, а, возможно, и его главная мысль: Хайдеггер не вписывается в современную ему и тем более в сегодняшнюю философскую (и, в целом, научную) культуру Запада, в связи с чем выдвигается тезис, согласно которому сложившееся в конце прошлого века в России «православно-патриотическое движение» как раз и образует тот самый слот, соединяющий Хайдеггера, отвергнутого западной философской культурой, с его будущим.

Здесь я бы хотел обратить внимание на следующее: во-первых, философия Хайдеггера на сегодня достаточно глубоко интегрирована в западноевропейский/трансатлантический интеллектуальный контекст. Важно также и то, что эта интеграция достигнута как раз благодаря известной «дезинтеграции» хайдеггеровского наследия: благодаря «творческому усвоению» различных элементов хайдеггеровского проекта представителями разных дисциплин. Во-вторых, специфически философская рецепция работ и идей Хайдеггера на сегодня произведена по преимуществу усилиями «западных» интеллектуалов. На сегодня результаты этой работы остаются недостижимыми не только в количественном отношении, но и с точки зрения качества. В-третьих, сам философский проект Хайдеггера — не только его «ранняя» версия, но и «поздняя» — едва ли может быть корректно (тем более исчерпывающе) квалифицирован как «антимодернистский». Хайдеггер никогда не предлагал никаких социально-политических проектов. Его отношение к модерну, скорее, квиетистское, аналитически-эксplikативное: он нацелен в первую очередь на выявление базовых принципов модерна, связанных с исторической динамикой предельных горизонтов воображения (понятности бытия), разворачивающейся по эту сторону дифференциации форм действия: теории и практики, политического и художественного и т. д.

Переход от «первого» к «другому» началу — это завершение (в смысле полной реализации) логики исторического развития одной «формы понятности бытия» (характеризующейся его «забытостью» и, как следствие, «высвобождением» неконтролируемых и поступательно усиливающихся тенденций к тотальной объективации) и его постепенная внутренняя (и в известной мере

«автоматическая») трансформация в альтернативу, характеризующуюся перманентным удержанием в поле зрения динамики отношения между «сущим» и его «бытием». Задача «мыслителя» в «переходный» период (начиная с 1930-х годов Хайдеггер предпочитает термин «мыслитель» традиционному «философ») сравнительно скромная: способствовать ему всеми доступными средствами, перечень которых не выходит за рамки стандартных форм академической деятельности. Таким образом, с моей точки зрения, Хайдеггер в свой «поздний период» близок не столько «консервативным революционерам» первой половины 20-го века (как полагает А. Михайловский), сколько современным акселерационистам.

Возвращаясь к основной теме обсуждаемой статьи А. Михайловского: в чем же особенность российской рецепции философии Хайдеггера (как ее понимает автор), и каковы ее истоки и мотивы? С моей точки зрения, к числу ключевых факторов, повлиявших на русскоязычную рецепцию Хайдеггера — по крайней мере, в версии А. Михайловского — относятся следующие: 1) принятая в качестве догмы гипербола антимодернизма Хайдеггера, которая во многом опирается на известную обособленность (акцентуацию) определенной риторической формы в поздней философии Хайдеггера; 2) усиление этой «риторической обособленности», произошедшее вследствие избранной в 1980–1990-х годах стратегии перевода текстов Хайдеггера на русский язык.

ТРАВМА ПЕРЕВОДА

Под этой стратегией подразумевается не только чрезмерное усиление «поэтических» обертонов в текстах Хайдеггера, но и сам выбор текстов для первоначального представления философии Хайдеггера на русском. До конца 1990-х из Хайдеггера переводили лишь малые опубликованные работы 1930–50-х годов, по преимуществу тексты докладов, прочитанных перед «нефилософской» аудиторией. Это как раз те тексты, которое я выше отнес к третьей категории: характеризующиеся условным стилистическим, или — если угодно — «экзотерическим» «эзотеризмом» (эллиптическая форма речи, нацеленная на инициацию определенного типа эмоциональной реакции, которая между тем представляет собой определенный модус понимания).

В конце 1980-х — начале 1990-х переводческая деятельность была основным, если не единственным способом (стремительной) аккумуляции символического капитала в области философии среди русскоязычных интеллектуалов. На протяжении достаточно долгого времени русские переводы Хайдеггера ока-

зывали определяющее — в том числе деформирующее — влияние на характер рецепции его философствования в русскоязычном пространстве. На мой взгляд, «роковое» сочетание филологической виртуозности наиболее заметных переводческих работ (В. В. Бибихин, А. В. Михайлов) с гиперболизированной «поэтической» тональностью (злоупотребление эпитетами, архаизмами и т. д.), а также эксперименты с неологизмами и, наконец, сам выбор текстов для перевода в совокупности обеспечили определенный режим циркуляции хайдеггеровских идей среди русскоязычной философской общественности. В рамках этого режима философские идеи Хайдеггера оказались определенным образом откалиброваны. С моей точки зрения, не в последнюю очередь именно этот режим спровоцировал и облегчил апроприацию философии Хайдеггера (вернее, некоторых ее элементов) российскими культурными и политическими консерваторами.

В ОБХОД СЦИЛЛЫ И ХАРИБДЫ

В статье А. Михайловского, как мне представляется, мы находим пример инструментализации «калибрующего» эффекта, произведенного первыми переводчиками-интерпретаторами («позднего») Хайдеггера.

Речь идет о позиции автора касательно проблемы вовлеченности Хайдеггера в национал-социализм, проблемы отношения этого факта биографии Хайдеггера к содержательной стороне его философствования. Стратегия, которой придерживается А. Михайловский, кажется достаточно странной: А. Михайловский отвергает «арендтовское» разделение теоретического и политического, присутствие которого он констатирует у ряда российских и зарубежных интерпретаторов Хайдеггера (тем самым отказываясь от наиболее «надежного» способа «спасти» философское наследие Хайдеггера). Напротив, он настаивает на их единстве, невзирая на, казалось бы, неизбежное обострение известной коллизии (бросает ли политический ангажемент Хайдеггера тень на все его философствование?). Автор, как кажется, пытается попросту «проскочить» тему хайдеггеровского «ангажемента» и его последствий для «Хайдеггера будущего», растворяя ее в риторическом постулировании самоценного «единства» философии Хайдеггера — структурного и исторического единства теоретической составляющей и «политической онтологии». А. Михайловский предпочитает «пойти ва-банк», пытаясь контрабандой — под сенью идеологемы эзотеричности «бытийно-историчного мышления» — вывести скомпрометированное политическое измерение наследия Хайдеггера за рамки публичной дискус-

сии. Однако за этими рамками и в кондициях, сформированных российским интерпретативно-переводческим режимом, хайдеггеровское наследие легко апроприруется (ультра)консервативным мышлением. При этом Хайдеггеру предлагают не столько «спасение» (от близорукого прагматизма западных интеллектуалов), сколько судьбу политического беженца и, в конечном итоге, заложника. Сложно представить себе, чтобы именно такого «русского будущего» Хайдеггер желал для своей философии.

ПЛОДОТВОРНОСТЬ ДИСТАНЦИИ

Наследию Хайдеггера — как я попытался аргументировать выше — ничто не угрожает на Западе. Ровно наоборот: западная культура научной дискуссии служит ему своего рода «охранной грамотой».

Хайдеггер сам позаботился о том, чтобы подготовить свое наследие для будущей долгой и публичной рецепции. Свидетельство тому — подготовленный им в последние годы жизни проект издания полного собрания своих сочинений. Проект включает в себя 103 тома и налагает прямой запрет на инкорпорирование в их публикацию каких бы ни было содержательных комментариев и введений со стороны переводчиков и издателей. Сфера публичных научных дискуссий, к которой Хайдеггер, возможно, испытывал недоверие, выступает лучшей гарантией для сохранности его «дела». Именно «эзотерические» тексты «бытийно-историчного» периода нуждаются в неспешном и основательном обсуждении куда больше нежели в «духе благого молчания» и культе «русского *Dasein*». Будущее философии Хайдеггера — не в натужном удержании ее мифической целостности, а в ее разнообразных влияниях в различных областях современного знания.

Сохранение дистанции по отношению друг другу — благо и для Хайдеггера, и для России. Сохранить Хайдеггера для нашего будущего можно только отсоединив его от нашего настоящего (как, впрочем, и недавнего прошлого, которое находит в нем свое продолжение).

REFERENCES

Heidegger, M. (1995). *Phänomenologie des religiösen Lebens* (GA 60). Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann.